

Александр КОБЗЕВ

ХОЛОДНАЯ «ОТТЕПЕЛЬ»: СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И МУСУЛЬМАНСКАЯ ОБЩИНА В 1940-х–1950-х гг. (по материалам Ульяновской обл.)

В статье на основе первичных архивных материалов Государственного архива Ульяновской области рассматриваются взаимоотношения советского государства и мусульманской общины в первые послевоенные десятилетия.

In the article on the base of primary archival materials of the State Archives of the Ulyanovsk region the relationship of the Soviet state and the Muslim community in the first post-war decade is discussed.

Ключевые слова:

татары-мусульмане, приход, религиозная община, конфессиональная политика в СССР, мечеть, верующие, «оттепель»; Muslim Tatars, Mahalla, religious community, politics towards faiths in the Soviet Union, mosque, the faithful, «thaw».

В истории антирелигиозной политики СССР исследователи выделяют период, когда власть в сложных условиях начавшейся войны вынуждена была пойти на уступки верующим¹. Довоенный период оценивается как время «засилья воинствующего атеизма», а послевоенный период — как время «относительной и вынужденной терпимости к вере и верующим». В 1941–1946 гг. произошел коренной перелом в государственно-конфессиональных отношениях.

Либеральные решения, принятые государством в течение 1941–1946 гг., в основном затронули социально-правовое положение духовенства и функционирование религиозных приходов. Правовое положение служителей культа постепенно выправлялось, приближаясь к статусу прочих граждан страны. В то же время к регистрации религиозных общин отношение государства всегда было однозначным — прямой запрет либо отказ в регистрации.

В Ульяновской обл. к концу Второй мировой войны по официальным данным насчитывалось 154 мечети. Из них 109 мечетей (70% общей численности) были закрыты в 1930-х гг. Всего в области насчитывалось 133 недействующие мечети². Культовые здания расформированных религиозных общин использовались как зернохранилища, склады, ремонтные мастерские, реже — как клубы и школы.

Либерализация конфессиональной политики в СССР оказалась достаточно краткой. Уже в апреле 1946 г. вышли партийное постановление об усилении идеологической работы и инструкция для уполномоченных Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР (СРК) на местах, в которых предлагалось прекратить всякую регистрацию религиозных общин³. Последовавший вскоре циркуляр 1948 г. СРК СМ СССР о прекращении удовлетворения ходатайств о регистрации культовых зданий и религиозных

КОБЗЕВ

*Александр
Викторович —
к.и.н., доцент
кафедры истории
исторического
факультета УлГПУ
им. И.Н. Ульянова*

¹ Леонтьева Т.Г. Историография. М.В. Шкаровский. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 гг.) // Вопросы истории, 2002, № 10, с. 164; Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. — Уфа, 1999, с. 125.

² Государственный архив Ульяновской области (ГАУО), ф. Р-3705, оп. 1, ед. хр. 12, л. 4–13, 15–18, 20–24, 26–29, 32, 36–37, 40, 73–74.

³ Андреева Л.И. «Православный строй» и коммунистический режим // Общественные науки и современность, 2010, № 6, с. 112.

обществ продолжил развитие апрельского постановления 1946 г. и подтвердил возвращение к курсу на борьбу с последствиями активности верующих.

В контексте ужесточения антирелигиозного курса государства в Ульяновской обл. в конце 1940-х гг. продолжилось использование зданий мечетей для социальных нужд населения. В 1949 г. такая судьба постигла 8 мечетей Ишеевского, Старо-Кулаткинского, Чердаклинского и Барышского районов. С 1950 по 1954 гг. районный и областной исполнительные комитеты приняли решение о закрытии еще 9 мечетей в Филипповке, Аллагулово, Верхнем Сантимире, Абдреево, Лабитово, Елховом Кусте и Татарском Урайкино¹.

После смерти И.В. Сталина и прихода к власти Н.С. Хрущева давление государства на религию продолжилось с еще большей силой. 7 апреля 1954 г. вышло постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах по ее улучшению», в котором содержался призыв к борьбе с любыми проявлениями религиозности, в частности с паломничеством к святым местам в Средней Азии. Однако уже 10 ноября 1954 г. ЦК КПСС в связи с недовольством верующих и духовенства принял новое постановление «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». Был это тактический ход с целью сбить волну недовольства верующих или осознанный поворот в сторону подтверждения прав верующих и смягчения антирелигиозной борьбы, показали последующие события.

На рубеже 1950-х–60-х гг. открытое наступление государства на религию получило новое идеологическое обоснование². Старт новой антирелигиозной кампании советского государства дало решение ЦК КПСС от 4 октября 1958 г. по вопросу о записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды». Развернулась очередная кампания по закрытию мечетей,

сократилось число зарегистрированных мусульманских общин, заметно сузились возможности верующих открыть новые мечети и на легальной основе сформировать новые религиозные общины. В 1950–1959 гг. верующие 11 селений Ульяновской обл. (Старое Тимошкино, Калда, Старый Мостяк, Поповка, Новые Маклауши, Эчкаюм, Мордово Озеро, Ертуганово, Старое Зеленое, Муратовка, Ульяновск) направили 27 заявлений в местные и центральные органы власти. Общее число подавших заявления составило 1 691 чел. В 4 случаях жители селений Старое Тимошкино, Калда, Поповка, Ульяновск писали о нарушении их прав как верующих и требовали вернуть незаконно закрытые мечети. В остальных 7 случаях речь шла об открытии мечети и регистрации религиозной общины. Обращения направлялись в районные и областные исполкомы, уполномоченному и председателю СРК, в духовное управление в Уфе, в СМ РСФСР и председателю ВС СССР К.Е. Ворошилову, Н.С. Хрущеву, однако все попытки оказались безрезультатными.

Больше половины всех заявлений было подано в течение 1957–1958 гг. После небольшого глотка свободы в 1941–1945 гг., в условиях «оттепели» и решений XX съезда КПСС о развенчании культа личности верующие не хотели возвращаться к прошлому. Можно сказать, что в это время наступил своеобразный пик в решимости верующих мусульман области добиться положительных для себя властных решений. Случайно или нет, но на это же время (1957–1958 гг.) приходится и всплеск политических репрессий. Только в течение этих двух лет были осуждены за антисоветскую агитацию 41,5% общего числа всех осужденных за 32 года «либерального коммунизма»³. Позже, в 1961 – первой половине 1964 г. за религиозные убеждения было привлечено к уголовной ответственности 806 чел.⁴

Мотивы отказа в регистрации общины и возвращении мечети были самыми разными и сводились к нескольким конкрет-

¹ ГАУО, ф. Р-3705, оп. 1, ед. хр. 12, л. 41–50, 52–54, 70, 75; ед. хр. 26, л. 1, 4–6, 8–9, 11–12, 14–16, 28, 30, 32, 35.

² Набиев Р.А. Ислам и государство: культурно-историческая эволюция мусульманской религии на Европейском Востоке. – Казань, 2002, с. 102–103.

³ Козлов В.А. Крамола: инакомыслие в СССР во времена Н. Хрущева и Л. Брежнева (По материалам Верховного суда и Прокуратуры) // Общественные науки и современность, 2002, № 3, с. 84.

⁴ Ливцов В.А. Участие РПЦ в экуменическом движении и его влияние на духовную жизнь СССР (60–80-е гг. XX в.) // Власть, 2008, № 9, с. 119.

ным обстоятельствам. Применительно к ситуации в р.п. Старое Тимошкино власти ссылались на наличие одной мечети, и открытие второго прихода считали нецелесообразным. Достаточным поводом не разрешить регистрацию общины было относительно близкое расположение мечети в соседнем селе. Этот аргумент лег в основу решений, касающихся ходатайств верующих селений Мордово Озеро, Ертуганово и Калда. Мусульманам г. Ульяновска было отказано в возвращении здания мечети в связи с тем, что оно уже было занято под иные, не религиозные нужды. Имела место и общая позиция местных органов власти, занятая ими в соответствии с указанными выше постановлениями партии и правительства по недопущению регистрации новых религиозных общин. В этой связи весьма показательны ситуации, сложившиеся в селениях Старая Кулатка и Старое Зеленое.

В с. Старая Кулатка к середине 1950-х гг. из 11 мечетей осталось 4, при этом только одна была свободна, но верующим было запрещено собираться в ней на молитву. Уполномоченный П.Ф. Симонов, посетивший деревню 22 октября 1955 г., запретил собираться и молиться под открытым небом, заявив, чтобы молились каждый у себя дома. В конечном итоге по распоряжению СРК было рекомендовано систематически изучать деятельность религиозной группы и регулярно информировать о ней руководящие органы областной организации¹. Ситуация весьма показательная для того времени: и не регистрируют, и молиться запрещают. Складывается впечатление, что государство устраивало нелегальное положение религиозной группы. В с. Старое Зеленое было 6 мечетей, и все в 1930–1932 гг. были закрыты. В течение 10 лет верующие села ходатайствовали об открытии хотя бы одной мечети, но безрезультатно².

В с. Поповка 20 февраля 1957 г. председатель сельсовета на общественном собрании заявил о сломе мечети и переустройстве ее в клуб. Религиозная община мусульман с. Калда была зарегистрирована в 1946 г., а в 1953 г. мечеть без каких-либо согласований с верующими

закрыли. В 1954 г. ее разобрали и из полученного стройматериала построили семилетнюю школу. Жители села неоднократно ходатайствовали о возобновлении деятельности своего прихода и о передаче им в пользование оставшейся второй каменной мечети, занятой под склад³.

События 1950-х гг. вряд ли можно рассматривать как организованное движение верующих за свои права, с четкой программой действий, руководством из единого центра. При всей своей массовости оно было стихийным, не вышло за пределы одного села, хотя и затронуло 11 татарских селений Ульяновской обл. Не исключено, хотя документальных свидетельств тому нет, что верующие могли действовать по примеру своих соседей из района, области или республики. Попытки татар-мусульман защитить свои права как верующих граждан СССР стали закономерной ответной реакцией на новый виток запретительных действий государства, особенно после того, как «сам Сталин разрешил религию» в стране.

При всех расхождениях, имевших место в правовой оценке центральными и местными органами власти своих действий на местах, общее направление правительственного курса, нацеленное на закрытие существующих мечетей и на недопущение открытия новых, оставалось неизменным и в начале 60-х гг. В 1958–1962 гг. ЦК КПСС принял ряд постановлений, в соответствии с которыми государственные органы, в т.ч. КГБ, МВД и прокуратура, в административном порядке закрыли огромное число храмов, религиозных общин, приходов, монастырей и духовных школ⁴. С начала 1960-х гг. стали закрываться мусульманские мечети и в Средней Азии, Татарии, Башкирии. В связи с этим в Уфе произошли драматические столкновения властей и верующих, отчаянно пытавшихся отстоять последние пристанища мусульман, действующие в Башкирии⁵. В Ульяновской обл. в течение 1962–1966 гг. верующие 5 селений – Аллагулово, Новые Зимницы, Уразгильдино, Новые Тимерсяны, Елховый Куст – направили

¹ ГАУО, ф. Р-3705, оп. 1, ед. хр. 33, л. 20–23.

² Там же, л. 71–71(об).

³ Там же, л. 15–19(об), 50–51.

⁴ Набиев Б.Р. Указ. соч., с. 105.

⁵ Юнусова А.Б. Указ. соч., с. 250.

заявления в Москву о незаконном закрытии мечетей¹. Поводом для закрытия мечетей в представлении государства было достаточно — якобы ветхо-аварийное состояние зданий, отказ муллы исполнять обязанности служителя культа, потребности села в переоборудовании мечети под родильный дом или медпункт. Подобные поводы были типичны и применялись в отношении всех конфессий страны. И понятно, что во всех этих случаях мало кто считался с интересами верующих.

Настойчивость, с которой верующие пытались защитить свои права, вполне объяснима в контексте прозвучавших ранее элементов либерализации конфессиональной политики государства. Однако, натолкнувшись на административное, бюрократическое сопротивление власти, зачастую сопровождавшееся

неприкрытым нарушением законодательства, откровенным ее нежеланием действовать в соответствии с законом, она не принесла им ощутимых результатов. Иначе и не могло быть в ситуации, когда законы подменялись партийными решениями либо использовались в выгодном для власти ключе. В этом отношении положение мусульманской общины в дореволюционной России при всех существовавших стеснениях было в большей степени защищено правом и законами. В Российской империи власти и в центре, и на местах были склонны скорее соблюдать, нежели нарушать законы, в отличие от советской эпохи. В то же время нельзя не отметить и такой немаловажный момент, который можно расценивать в качестве достижения в борьбе верующих за свои права, — власть была вынуждена признать, хотя бы и на нелегальном положении, устойчивое функционирование религиозных общин в некоторых селениях области.

¹ ГАУО, ф. Р-3705, оп. 1, ед. хр. 45, л. 1–2(об), 9–10, 13–23; ед. хр. 73, л. 11–15(об).